

М. С. Жук

ПЕРИОД ЗАРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

В статье анализируются ранние уголовно-правовые предписания, существовавшие в древнерусском государстве и содержащиеся в многочисленных источниках, которые явились основой для дальнейшей систематизации и кодификации уголовного права. Через призму формирования и построения уголовно-правовых институтов автор попытался выявить закономерности развития уголовно-правовой мысли Древней Руси.

Ключевые слова: институт, уголовное право, норма, история, развитие.

M. S. Zhuk

THE PERIOD OF ORIGIN AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL-LAW INSTITUTES IN ANCIENT RUSSIA

The article is devoted to the analysis of early criminal-law prescriptions that existed in Ancient Russia and were contained in numerous sources which appeared to be the basis for further systematization and codification of criminal law. The author makes an attempt to figure out the regularities of development of the criminal-law idea of Ancient Russia by means of forming and building criminal-law institutes.

Keywords: institute, criminal law, standard, history, development.

В современной уголовно-правовой науке история российского уголовного законодательства и права представлена достаточно полно. Однако имеющиеся наработки посвящены преимущественно либо истории отдельных уголовно-правовых институтов и норм, либо выяснению хронологии и общих закономерностей эволюции уголовного права. Исследования, в которых бы анализировался исторический опыт институционализации норм уголовного права, в библиографии практически отсутствуют. Заметным исключением здесь являются работа В. П. Коняхина [1, с. 15—75], где проведен ретроспективный анализ формирования и развития институтов уголовного права (однако в силу специфики решаемых автором задач предмет исследования ограничен в ней лишь институтами Общей части уголовного права); а также работа А. И. Бойко, представляющая в одном из разделов очерк структурной эволюции отечественного уголовного законодательства X — XX вв. [2, с. 16—42]. Вместе с тем их наличие нельзя признать в полной мере достаточным, в том числе и вследствие того, что познание

истории институтов уголовного права не является в этих сочинениях основной целью.

Изучение истории законодательного оформления институтов уголовного права ввиду многоаспектности проблемы требует установления некоторых ограничений. В рамках настоящей статьи по объективным причинам нет возможности проследить содержательную эволюцию каждого из уголовно-правовых институтов. А потому уместно акцентировать внимание на одной стороне проблемы, а именно — на внешнем выражении системы уголовно-правовых институтов в отечественном законодательстве. Поскольку одним из признаков правового института является его обособление в качестве самостоятельной структурной единицы закона, постольку история уголовно-правовых институтов становится близкой истории создания уголовного законодательства и его кодификации. В то же время полностью эти два направления историко-правовых исследований не совпадают, что обуславливает необходимость определенных оговорок и уточнений, которые будут сделаны в дальнейшем изложении.

В юридической литературе любое ретроспективное исследование отечественных памятников права, как правило, начинают с

Русской Правды, являющейся одним из первых кодифицированных правовых актов. Между тем не следует забывать о том, что еще до ее появления общественные отношения в древнерусском государстве регулировались с помощью норм неписаного права, обычаев. Ю. Е. Пудовочкин по этому поводу пишет: «Обычай — есть выработанное самим обществом, аутентичное выражение мнения этого общества о правилах поведения в той или иной ситуации. В силу присущего ему демократизма обычай не требует особой системы приневоливания для собственного соблюдения, он реализуется людьми полностью без лишних рассуждений, в силу того, что создан самим обществом» [3, с. 29]. «Эти бессознательно установившиеся стародавние обычаи, — в свою очередь отмечает Н. М. Коркунов, — имеют на своей стороне всегда интерес определенности. Они как старые, всем известные, всем привычные, устойчивее и определеннее всякой новой юридической нормы» [4, с. 120].

Для своего времени обычаи были вполне эффективным и достаточным средством нормативной регламентации общественной жизни. Однако вряд ли можно говорить о том, что обычные нормы (их группы) способны быть дифференцированными на какие-либо отдельные нормативные институты. Обычай в большей степени носил универсальный, обобщенный и комплексный характер. Для того чтобы обычные нормы могли составить тот или иной правовой институт, они, во-первых, должны были приобрести характер именно правового обычая, а во-вторых, сами должны были стать институционализированными. Соответствующая эволюция происходит несколько позднее и сопровождается переводом обычаев в ранг писаных норм права.

На определенном этапе исторического развития обычаи перестают соответствовать новым условиям и новым потребностям общественной жизни. «Они представляются при изменившихся условиях общественных отношений неудобными, стеснительными, и чем дальше, тем больше. Все сильнее и сильнее дает себя чувствовать потребность заменить их новыми, сознательно выработанными и более соответствующими современным условиям жизни юридическими нормами» [4, с. 120]. Начало писаного нормотворчества на

Руси обоснованно связывается с X — XI столетиями, со временем заключения международных договоров с Византией и появлением Русской Правды.

Одним из существенных факторов, повлиявших на процесс зарождения и становления уголовно-правовых институтов, явилось развитие правовой базы церковной власти. «Ее основу составили византийские сборники канонического права, снабженные византийскими и русскими комментариями, переработанные с учетом специфики русского общества, они получили на Руси название Кормчих книг. Кормчие книги действовали в одно время с Русской Правдой (кстати, и долгое время после нее); эти два нормативных правовых акта существенным образом дополняли друг друга. При этом не следует считать, что Кормчие — исключительно церковный нормативный акт» [3, с. 40—41].

Автор солидарен с исследователями, которые признают факт отсутствия единого правового пространства в древнерусском государстве. Уголовно-правовая юрисдикция в Древней Руси характеризовалась одновременным действием разных источников, в частности: Русской Правды, международных договоров, Церковных Уставов, Кормчей книги. «Регулируя определенные участки общественных отношений путем установления ряда уголовно-правовых запретов, указанные акты в совокупности с обычаями составляли весьма стройную, отвечающую уровню развития общества и государства систему уголовно-правовых норм» [3, с. 32].

Важно заметить, что светские и канонические источники, хотя и были самостоятельными актами, тем не менее в реальной жизни своим содержанием взаимно обогащали и дополняли друг друга. Иллюстрацией этому может служить институт преступления. Для обозначения преступления Русская Правда использовала термин «обида», которым обозначался обычно вред, причиняемый какому-либо частному интересу, правам отдельного лица. По очевидным причинам определения «обиды» Русская Правда не содержала. Не были в ней представлены и какие-либо нормативные положения о признаках преступления. Документ в рассматриваемой части содержал лишь первые неявные попытки категоризации преступлений, исходя из признаков объекта посягательства (личность и собственность) и степени тяжести,

определяющей размер наказания. Этот пробел с успехом восполнялся каноническим правом.

Важные положения о признаках преступления можно обнаружить в Номоканоне, который был основой и составной частью Кормчей книги [8, с. 72—75]. Каноническое право в своем учении о преступлении исходило из того, что любое преступление есть грех; а грех — это «реченное или сотворенное или вожденное противу закону вечному». Преступление относится к категории не первородного, а «действительного» греха. Суть последнего заключается в том, что «его же мы самим творим», он есть «преступление закона, или естественного... или словом откровенного». Иными словами, преступление как действительный грех представляет собой в церковном праве творимое человеком нарушение естественного или писаного закона. Исследуя признаки преступления-греха, церковь обращала внимание на вопросы воли преступника, его вины: грех может быть «вожденный, иже свободного волею сотворен есть» и «невожденный... от несмышления совершися лукавое или небрежением благое не содеяся». «Воля» и «несмышление» выступают критериями оценки степени тяжести греха, а следовательно и основой для классификации преступлений по степени опасности. Грех может быть тяжким и легким. «Тягчайший же и меньший грех мнится или от вины действующия, от нея же сотворится, или от нрава, или от действий, или от места, и от облежачаго, или от времени, или от стений и иных обстоящих...». Нетрудно заметить, что канонические источники довольно успешно восполняли светское уголовное право в части учения о преступлении положениями о свободе и направленности воли, вине, ее степени, категоризации преступлений по степени опасности и т. д.

Такое «сотрудничество» светской и церковной правотворческих практик вполне объяснимо и оправданно. В свете изложенного можно констатировать, что уголовное право Древней Руси, с одной стороны, еще не было обособлено от правовых предписаний иной отраслевой принадлежности, а с другой — было представлено во множестве светских и канонических источников, которые лишь во взаимодействии составляли

нормативную основу для дальнейшего развития уголовно-правовых норм и институтов.

В содержательном отношении уголовно-правовые нормы древнерусского государства представляли собой по преимуществу предписания об ответственности за те или иные конкретные преступления. Предписания, которые сегодня принято относить к Общей части уголовного права, как справедливо отмечает Ю. Е. Пудовочкин, «появляются в составе уголовных законов достаточно поздно, что объясняется внутренними законами развития уголовного права, по которым изначально оно состояло исключительно из предписаний о недопустимости того или иного варианта поведения (т. е. норм Особенной части), а обобщенные правила об ответственности и наказании появились лишь в тот момент, когда, обобщая практику создания и применения уголовного законодательства, наука смогла выработать определенные теоретические абстракции, идеальные представления о преступлении и наказании» [3, с. 41].

Хотя уголовное право средневековой Руси и не могло знать Общей части, правовые запреты были разработаны в нем весьма подробно. При этом важно отметить, что изложение правовых запретов в тексте документов не было хаотичным, а подчинялось определенной логике. Так, в Пространной редакции Русской Правды можно обнаружить компактное изложение уголовно-правовых норм по нескольким тематическим разделам:

ст. 3—8 составляют раздел об ответственности за убийство на территории верви; ст. 11—17 составляют раздел, устанавливающий ставки штрафа за убийство представителей различных социальных групп, связанных с княжеским хозяйством; ст. 23—26 образуют раздел об оскорблениях; в ст. 27—31 излагаются положения об ответственности за иные преступления против личности (членовредительство, нанесение ранений); ст. 41—46 предусматривают предписания об ответственности за различные виды краж; ст. 83—84 составляют раздел об уничтожении или повреждении чужого имущества [6, с. 64—73]. В Пространной редакции Церковного Устава князя Ярослава в ст. 8—29 компактно излагаются различные предписания об ответственности за нарушения в брачно-семейных отношениях [6, с. 189—193].

Завершая освещение данного вопроса, отметим, что аналогичный прием изложения правового материала, подсказанный законами элементарной логики и сугубо практическими соображениями, сохранился и в последующих нормативных актах русского средневековья.

Список библиографических ссылок

1. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб., 2002.
2. Бойко А. И. Система и структура уголовного права: в 3 т. Ростов-н/Д, 2008. Т. 3: Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции.
3. Пудовочкин Ю. Е. Ювенальное уголовное право: теоретико-методологические и историко-правовые аспекты. М.: Глобус, 2001.
4. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. Книга 1. Понятие права.
5. Каноническое учение о преступлении излагается здесь по произведению барона Розенкампа. Цит по: Розенкампф. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829.
6. Российское законодательство X — XX вв.: в 9 т. / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. Т.1: Законодательство Древней Руси.

© Жук М. С., 2013